

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-4-9-20>

Взаимосвязь биологических и средовых факторов с социальной изоляцией на примере хикки и dead inside

Сергей И. Пынзару , Анастасия В. Громова ,

Ирина Ю. Суворова

Московский психолого-социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

i.suvorova89@gmail.com

EDN: AJTGZN

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию комплекса факторов, приводящих к добровольной самоизоляции молодежи в России. В ряде зарубежных исследований был задокументирован добровольный отказ от социальной жизни и стремление к полной социальной изоляции среди молодых людей. Впервые этот феномен был описан в Японии и обозначен как «хикикомори», на российских выборах этот феномен исследован мало. Многие из хикикомори не имели психических расстройств, объясняющих их затворничество, в связи с чем была предложена комплексная биопсихосоциальная модель формирования такого дезадаптивного поведения.

Цель. Проверить причинно-следственную связь между социальным исключением, особенностями нервной системы и типом привязанности у представителей субкультур хикки и dead inside.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 68 человек (48 женщин и 20 мужчин). Из них условная норма – 36 человек, dead inside – 20, хикки – 12. Для оценки особенностей нервной системы была использована экспресс-диагностика типов нервной системы на основе методики диагностики темперамента Я. Стреляу; для исследования типов привязанности применялась методика «Самооценка генерализованного типа привязанности» в адаптации Т. В. Казанцевой; для исследования детско-родительских отношений – авторская анкета. В качестве методов статистической обработки данных использовались корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты исследования. В результате исследования была подтверждена биопсихосоциальная модель социальной изоляции, являющейся результатом особенностей нервной системы, взаимосвязанных с формированием отношений с родителями и типом привязанности, что, в свою очередь, связано с формированием отношений со сверстниками.

Обсуждение результатов. По результатам исследования было обнаружено, что предикторами социального затворничества хикикомори являются повышенная возбудимость нервной системы, превращающая любые социальные контакты в болезненные, тогда как представители dead inside, напротив, переживают слишком слабые реакции на внешние и внутренние раздражители, что также влияет на социальную адаптацию.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, хикки, dead inside, психологическая травма, посттравматическое стрессовое расстройство

Для цитирования. Пынзару, С. И., Громова, А. В., и Суворова, И. Ю. (2024). Взаимосвязь биологических и средовых факторов с социальной изоляцией на примере хикки и dead inside. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(4), 9–20. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-4-9-20>

Relationship of Biological and Environmental Factors with Social Isolation Using Hikki and Dead Inside as Examples

Sergey I. Pynzaru^{ID}, Anastasia V. Gromova^{ID}, Irina Y. Suvorova^{ID}✉

Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russian Federation

✉ i.suvorova89@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of a set of factors leading to voluntary self-isolation of young people in Russia. A number of foreign studies have documented voluntary withdrawal from social life and the desire for complete social isolation among young people. This phenomenon was first described in Japan and labeled as “hikikomori”. Many of the hikikomori did not have mental disorders to explain their reclusiveness, and therefore a comprehensive biopsychosocial model of the formation of such maladaptive behavior was proposed.

Objective. To test the causal relationship between social exclusion, nervous system characteristics, and attachment type in members of the hikki and dead inside subcultures.

Materials and Methods. Sixty-eight people (48 women and 20 men) participated in the study. Of them, the conditional norm was 36 people, 20 were dead inside, and 12 were hikkas. To assess the peculiarities of the nervous system we used express-diagnostics of the nervous system types on the basis of J. Streliau’s method of temperament diagnostics; to study the attachment types we used the method “Self-assessment of the generalized type of attachment” adapted by T. V. Kazantseva; to study child-parent relations we used the author’s questionnaire. Correlation and regression analysis were used as methods of statistical data processing.

Results. The study confirmed the biopsychosocial model of social isolation, which is the result of nervous system features interrelated with the formation of relationships with parents and attachment type, which in turn is related to the formation of relationships with peers.

Discussion. According to the results of the study, it was found that the predictors of social reclusiveness of hikikomori are increased excitability of the nervous system, which turns any social contacts into painful ones, while the representatives of dead inside, on the contrary, experience too weak reactions to external and internal stimuli, which also affects social adaptation.

Keywords: social exclusion, hikki, dead inside, psychological trauma, post-traumatic stress disorder

For Citation. Pynzaru, S. I., Gromova, A. V., & Suvorova, I. Y. (2024). Relationship of biological and environmental factors with social isolation using hikki and dead inside as examples. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(4), 9–20. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-4-9-20>

Введение

Проблема молодых людей, отказавшихся от социальных контактов и живущих на обеспечении родителей, считается эпидемией XXI века, бросающей вызовы как системе здравоохранения, так и экономике. В нашей стране интерес к данной теме сравнительно мал. Кто-то полагает, что социально-экономическая ситуация препятствует появлению возможности закрыться в своей комнате на несколько месяцев. Тем не менее, проблема самоизоляции подростков и молодых людей все чаще звучит на родительских форумах. Данная работа носит пилотажный характер и нацелена исследовать комплекс факторов, приводящих к добровольной самоизоляции молодежи в России.

Хикки и dead inside как социальный феномен. В переводе с японского языка «хикикомори» означает «находиться в уединении». Термин «shakaiteki hikikomori» был придуман Тамаки Саито (Saito, 2013), который предложил называть «хикикомори» тех людей, которые самоизолировались более чем на 6 месяцев и полностью избегают каких-либо социальных контактов. В последнее время данный феномен перетекает из японской культуры в другие страны. В начале 2000-х годов в Южной Корее и Китае социальная изоляция молодежи возникла как социальная проблема, связанная с увеличением числа нуклеарных семей, разрывом отношений с соседями из-за квартирного образа жизни, увеличением числа детей, которые являются единственными в семье и проявляют крайний индивидуализм, уменьшением потребности в межличностных контактах из-за информационных технологий (ИТ) и ростом числа молодежи, отказывающейся от учебы больших эмоциональных и интеллектуальных нагрузок (Lee & Choi, 2013).

Стоит отметить, что в России проблема социальной изоляции молодежи не изучается как социальная дезадаптация, а рассматривается скорее через анализ субкультур, что сдвигает проблему с клинического поля на социальное. Разумеется, не все представители субкультуры хикикомори являются социально дезадаптированными, однако очевидно, что в данной субкультуре их больше, чем в популяции. Более того, в нашей стране набирает популярность такая субкультура, как dead inside, по своему описанию похожая на хикикомори. Культура dead inside (мертвый внутри – англ.) – это движение депрессивных молодых людей, переживающих внутреннюю опустошенность, безразличие, апатию и агрессию, называя себя мизантропами. Зачастую представителями dead inside являются подростки и молодые люди в возрасте 15–25 лет. Они ведут замкнутый образ жизни, активно

взаимодействуя в виртуальном пространстве лишь со своими единомышленниками (Яценко, 2022). Субкультура характерна только для России. На момент марта 2022 года численность приверженцев данной субкультуры составила 1,3 миллиарда.

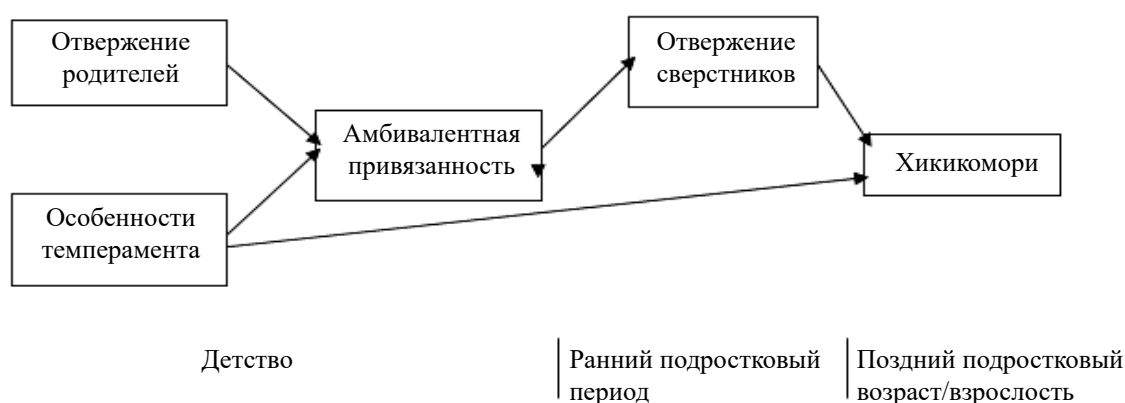
Социальная изоляция как результат ранней детской психотравмы. До сих пор самоизоляция как форма дезадаптации не рассматривалась как отдельное расстройство, а определялась через другие нарушения, обозначенные в МКБ-10 (Koyama et al., 2010). Так, у 33,3 % людей, подпадающих под описание хикикомори, были диагностированы расстройства настроения, шизофрения или тревожные расстройства. У других были диагностированы расстройства личности или нарушения развития (Ovejero et al., 2014). О причинно-следственной связи между социальным исключением и психическими заболеваниями до сих пор ведутся дискуссии (Kondo et al., 2013).

Ю. Хаттори (Hattori, 2006) был первым, кто связал социальную замкнутость молодежи с результатом ненадежного типа привязанности между ребенком и значимым взрослым. Проведя качественный анализ 35 молодых людей, психиатр обнаружил, что все они были из, на первый взгляд, благополучных семей. Большинство из них не подвергались физическому или сексуальному насилию. Тем не менее, все они показали совокупность симптомов, связанных с травмой: всем хикикомори трудно доверять людям (100 %), что связано с межличностными проблемами. Во время лечения у пациентов часто было нарушено самовыражение, наблюдалась потеря надежной привязанности, отчужденность и боязнь людей. У 71 % клиентов была обнаружена двойная система диссоциативных идентичностей, как защитная реакция на пережитое насилие. Причем в 54 % случаев клиенты сообщали об эмоциональном насилии со стороны родителей. Например, родители игнорировали ребенка в качестве наказания, не объясняли причины своего поведения ребенку, что повышало чувство неопределенности. Такая пассивная жестокость незаметна для окружающих, что создает впечатление внешнего благополучия семьи. Нарушение семейной динамики также было обнаружено в исследованиях А. Тео (Тео, 2010): изучение 50 родителей хикикомори показало, что семейное функционирование было ненормальным не только по совокупному баллу, но и по каждому из отдельно взятых пунктов. В этих семьях было обнаружено отвержение детей (50 %) и демонстрация власти как минимум к одному члену семьи (31 %). Переживаемое скрытое насилие отражалось на дальнейших взаимоотношениях таких детей со сверстниками: в 54 % случаев хикикомори становились жертвами травли (Hattori, 2006). Ситуация школьного насилия усугублялась тем, что дети не рассказывали о ней родителям, что еще раз подтверждает предположение о нарушенной привязанности.

Дж. Боулби рассматривал нарушение привязанности как фактор риска развития «кумулятивной» травмы нарушенной привязанности, влекущей за собой перманентное чувство уязвимости (Микаэлян, 2020). Чувство уязвимости запускает потребности в зависимости, однако отсутствие доверия к другим делает это невозможным. Поэтому человек с травмирующим опытом часто чередует самоизоляцию и потребность в тревожном слиянии с другим. Несмотря на все доказательства влияния родительского поведения на формирование признаков, присутствующих у хикикомори, нарушение привязанности со стороны родителей – не единственный тому фактор. Стиль привязанности также зависит от темперамента ребенка. Часто у детей с перевозбужденной нервной системой в первые три-четыре месяца была обнаружена амбивалентная привязанность в возрасте 12 месяцев. В лонгитюдном исследовании с участием 1092 американских детей было обнаружено, что сочетание бесчувственного воспитания, ненадежной привязанности и неуравновешенного темперамента способствовали социальной изоляции у детей младшего школьного возраста от 6 до 12 лет (Krieg & Dickie, 2013). Боскет и Игланд обнаружили, что самоизоляции подростков предшествовали как ненадежная привязанность в детстве, так и травля со стороны сверстников (Bosquet & Egeland, 2006). В совокупности мы получаем биопсихосоциальную модель формирования хикикомори, отраженную на рисунке 1.

Рисунок 1

Модель формирования Хикикомори

Соответственно, **целью** данного пилотажного исследования является, с одной стороны, проверка взаимосвязи биологических и средовых факторов с социальной изоляцией на примере не клинических случаев, а субкультур, с другой – впервые описать и сравнить феномен социальной изоляции через исследование субкультур хикикомори и dead inside в России. В качестве гипотез исследования были выдвинуты следующие предположение:

1. Представители dead inside похожи на хикикомори, но более адаптированные к социальной реальности из-за более высокого уровня агрессии.
2. Социальная изоляция является результатом сочетания четырех факторов: особенностей нервной системы, отвержения со стороны родителей, тип привязанности и отвержение со стороны сверстников.

Материалы и методы

Изначально планировался нарративный анализ идентичности на подобие описанного в статье «Анализ нарративной идентичности как способ исследования кризиса взрослости» (Саркисян и Суворова, 2022). Однако респонденты заявили о невозможности самостоятельного структурирования текста о себе. В результате рассказ о себе был нами структурирован с помощью следующих вопросов:

1. Расскажите о своих отношениях с семьей в детстве (до 10 лет). Какие события приходят в голову первыми?
2. Расскажите о своих отношениях с окружением (друзья, знакомые, приятели) в детстве (до 10 лет). Много ли у Вас было друзей? В какие игры Вы играли? Какую роль Вы играли обычно?
3. Расскажите, как вы проявляли эмоции в детстве (В целом, как Вы можете охарактеризовать свое детство)?
4. Какие сейчас у Вас отношения с семьей?
5. Как сейчас вы могли бы охарактеризовать Ваши отношения с миром? Что Вы обычно чувствуете?

В результате были сформированы следующие темы: отношение с родителями (нет отношений с родителями; заботливые родители; мама – заботливая, папа – нет; насилие со стороны родителей), отношение со сверстниками (не было друзей, много друзей, буллинг), эмоциональный фон в детстве (безразличие, эмоциональность, несдержанность, злость) и текущее эмоциональное состояние (апатия, защищенность, принятие, любовь, отстраненность) (Приложение 1; Приложение 2). Кодировка ответов была адекватной (коэффициент каппа Коэна $k = 0,87$) (Суворова и др., 2021). Вопросы были дополненными анкетными данными: пол, возраст, к какой субкультуре Вы себя причисляете? (хикки, dead inside, ни к одной из двух); много ли времени вы проводите в одиночестве (более 1 года, более 6 месяцев, не могу сидеть дома)?

Ввиду отказа респондентов заполнять большие опросники было решено часть опросников заменить анкетой. Для диагностики особенностей нервной системы респондентов была предложена диагностика темперамента Я. Стреляу (PTS) (Практикум по психодиагностике, 1988). Для изучения типов привязанности – методика «Самооценка генерализованного типа привязанности» (The Relationship Questionnaire, Bartholomew and Horowitz, 1991), в адаптации Казанцевой (2011). Для рассмотрения детско-родительских отношений – вопросы анкеты, такие как, например, «Оцените по 7-балльной шкале, на сколько Вам подходят утверждения: в детстве я чувствовал любовь и принятие родителей – мне казалось, родителям я был не нужен; сейчас я чувствую поддержку родителей – сейчас мы с родителями как чужие люди» где 1 – ресурсные отношения с родителями, а 7 – отсутствие отношений, или деструктивные отношения. Присутствие травмы в жизни респондентов определялось с помощью вопроса анкеты «Оцените по 7-балльной шкале, на сколько Вам подходят утверждения: в детстве у меня было много друзей – в детстве я ни с кем не играл; сейчас у меня есть лучшие друзья – сейчас у меня нет ни с кем близких и доверительных отношений» где 1 – включенность в горизонтальные отношения, а 7 – социальная изоляция. Все вопросы были оформлены и распространены через сервис Google Forms.

Статистическая проверка гипотез была проведена с применением U-критерия Манна-Уитни, корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмана и регрессионного анализа методом линейной регрессии.

Результаты исследования

Всего приняли участие 68 человек (48 женщин и 20 мужчин). Из них 36 респондентов с условной нормой, представителей субкультур dead inside – 20 человек, хикки – 12. В качестве условной нормы выступили студенты факультета психологии МПСУ. Представители хикикомори и dead inside были найдены в соответствующих группах в социальных сетях.

Описательные статистики. Ниже приведен частотный анализ параметров нервной системы, особенностей отношения с родителями и сверстниками, типов привязанности, а также времени в изоляции у представителей хикикомори, dead inside и условной нормы (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, в результате сравнения средних можно предположить, что у представителей dead inside сила возбуждения нервных процессов ниже, чем при условной норме, что может отражаться в приписываемом им равнодушию к социальной реальности. Это также отражается в названии данной субкультуры – мертвые внутри. Все остальные показатели идентичности сопоставимы с условной нормой. У хикикомори, напротив, сила возбуждения нервной системы и ее подвижность выше, чем при условной норме, а баллы по надежной привязанности – ниже. Значительно выделяется дезорганизованная привязанность. Также у хикки менее выражено

принятие со стороны сверстников, чем в других группах. Если рассматривать распределение случаев реальной социальной изоляции среди трех групп, то среди причисляемых себя к хикикомори изолированных больше, тогда как распределение случаев изоляции среди условной нормы и dead inside примерно одинаковое. Тем не менее, с помощью попарного сравнения трех групп с помощью U-критерия Манна-Уитни статистическую достоверность получили лишь различия в распределении переменной «дезорганизационная привязанность», которая гораздо выше у хикикомори ($p \leq 0,05$ при сравнении с dead inside и с нормой). Статистически значимых различий между нормой и dead inside нет. Распределение средних значений встречаемости нарративов представлены в таблице 2.

Таблица 1

Частотный анализ параметров нервной системы, особенностей отношения с родителями и сверстниками, типов привязанности, а также времени в изоляции у представителей хикикомори, dead inside и условной нормы

		Норма (36)		Хикки (12)		Dead inside (20)	
		М	SD	М	SD	М	SD
Темперамент	сила возбуждения	4,27	2,20	4,50	2,25	3,60	1,95
	подвижность нервных процессов	2,88	1,90	3,60	2,10	3,50	1,43
	уравновешенность нервной системы	3,30	1,80	3,30	2,30	3,50	1,58
Отношения с родителями	в прошлом	2,27	1,31	2,30	1,75	2,50	1,40
	сейчас	2,83	1,40	4,60	2,58	3,90	1,70
Привязанность	Надежная	6,30	2,80	5,00	3,79	5,40	2,90
	Тревожная	4,40	2,90	5,50	4,60	4,50	2,50
	Избегающая	5,60	2,60	5,00	4,59	4,80	2,39
	Дезорганизованная	4,20	2,90	7,80	3,40	4,40	2,36
Отношения со сверстниками	В прошлом	2,77	1,62	4,5	2,16	2,60	1,34
	В настоящем	2,77	1,62	4,50	2,16	2,60	1,34
		Частота (в %)		Частота (в %)		Частота (в %)	
Социальная изоляция	0 месяцев	26 (72)		4 (33)		16 (80)	
	6 месяцев	4 (11)		6 (50)		2 (10)	
	12 месяцев	6 (17)		2 (17)		2 (10)	

Таблица 2

Частотный анализ тем нарративов у представителей хикикомори, dead inside и условной нормы

		Норма (36)	Хикки (12)	Dead inside (20)
Отношения с родителями	Нет отношений с родителями	38,9	40,0	33,3
	Заботливые родители	50,0	50,0	50,0
	Мама – заботливая, папа – нет	5,6	10,0	16,7
	Насилие со стороны родителей	5,6	20,0	16,7
Отношения со сверстниками	Не было друзей	22,2	50,0	66,0
	Много друзей	77,8	40,0	16,0
	Буллинг	11,1	30,0	—
Эмоциональный фон в детстве	Безразличие	5,6	20,0	50,0
	Эмоциональность	55,6	40,0	33,3
	Несдержанность	38,9	20,0	16,7
	Злость	—	10,0	—
Текущее эмоциональное состояние	Апатия	33,3	50,0	50,0
	Защищенность	38,9	40,0	33,3
	Принятие и любовь	33,3	20,0	16,7
	Отстраненность	22,2	10,0	16,7

И хикки, и dead inside заявляют о насилии со стороны родителей, также у хикки выше частота встречаемости отвержения. Именно хикки чаще всего подвергались травле со стороны сверстников. Несмотря на обнаруженные различия в сравнении средних арифметических, статистически значимые различия обнаружены только в пункте «много друзей» ($\chi^2 = 8,26$; $p = 0,016$), где и у хикки, и у dead inside показатели значительно ниже нормы, а также в пункте «эмоциональный фон – безразличие» ($\chi^2 = 6,18$; $p = 0,046$), где наибольшая частота наблюдается в этих же двух субкультурах.

«Эмоциональный фон – безразличие» и высокая сила возбуждения у хикикомори на первый взгляд кажутся противоречивыми. Наиболее очевидным объяснением этому является малочисленность выборки. Но также можно предположить, что эмоциональная холодность является защитной реакцией от эмоционального перевозбуждения. В отличие от хикикомори, эмоциональная холодность dead inside – это следствие недостаточного эмоционального возбуждения, на что указывают данные таблицы 1. В качестве подкрепления вероятности подтверждения такой гипотезы приводится два нарратива, принадлежащих респондентам из числа dead inside и хикки (таблица 3).

Таблица 3

Нарративы представителей dead inside и хикки

Dead inside (М, 26)	Хикки (М, 20)
Я – дэд инсайд. Отношения с родителями положительные. Друзей было мало, одиночка. Не проявлял эмоции, был безразличным. Сейчас отношения с родителями отличные. Постоянно чувствую желание выпить. В одиночестве почти не провожу времени.	Я – хикка. Отношение было положительным ко всем кроме отца. С братом гоняли мяч. Я был очень гиперактивным, сейчас стыдно это вспоминать. Жизнь проходит, все мы когда-нибудь умрем, кто-то раньше кто-то позже. Чувствую привязанность к родным и это не всегда хорошо. В изоляции больше года.

В первом случае речь идет о низкой эмоциональной чувствительности, которая не мешает вести активную социальную жизнь. Во втором – о чрезмерной возбудимости нервной системы и попытках подавить эмоциональную чувствительность.

Корреляционный анализ. Последующий корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи между всеми фигурирующим в теоретической модели (рисунок 1) параметрами: особенностями нервной системы, типами привязанности, отношениями с родителями и сверстниками и социальной изоляцией (таблица 4).

Таблица 4

Взаимосвязь особенностей нервной системы, типа привязанности, отношения с родителями и сверстниками с социальной изоляцией

	4	5	6	7	8	9	10
1. Отношение с родителями в прошлом			$r = 0,534$ $p \leq 0,01$		$r = 0,429$ $p \leq 0,01$		
2. Отношение с родителями в наст.					$r = 0,359$ $p \leq 0,05$		
3. Отношение со сверстниками	$r = 0,553$ $p \leq 0,01$	$r = 0,342$ $p \leq 0,05$			$r = 0,408$ $p \leq 0,05$	$r = 0,388$ $p \leq 0,05$	$r = 0,571$ $p \leq 0,01$
4. Сила возбуждения		$r = 0,595$ $p \leq 0,01$	$r = 0,540$ $p \leq 0,01$	$r = -0,436$ $p \leq 0,05$	$r = 0,456$ $p \leq 0,01$		
5. Подвижность нервных процессов				$r = -0,503$ $p \leq 0,05$			
6. Уравновешенность нервной системы							$r = 0,389$ $p \leq 0,05$
7. Надежная привязанность							
8. Тревожная привязанность							
9. Избегающая привязанность							
10. Дезорганизационная привязанность							
11. Время в изоляции						$r = 0,422$ $p \leq 0,05$	

Опираясь на таблицу, мы видим, что чем выше сила возбуждения и подвижней нервные процессы, тем сложнее отношения со сверстниками, а привязанность в целом является ненадежной. Далее, чем менее уравновешенными являются нервные процессы, тем сложнее выстраивались отношения с родителями в детстве. Сложные отношения с родителями в прошлом и настоящем также связаны с высокой силой возбуждения и формированием тревожной привязанности. Логично, что избегающая привязанность коррелирует с временем в изоляции. Со временем, проведенным в изоляции, также взаимосвязаны сложные отношения со сверстниками и неуравновешенность нервных процессов. Таким образом, все тестируемые нами элементы модели (рисунок 1) коррелируют друг с другом. Это значит, что мы можем проверить не только взаимосвязи, но и зависимости, указанные в модели.

Регрессионный анализ. При вычислении линейной регрессии «отношение с родителями → тревожная привязанность» мы получили модель с уровнем значимости $p = 0,042$. Модель объясняет 35 % общей дисперсии, что является приемлемым результатом. Общее уравнение модели:

$$y = 2,83 + 0,772x. \quad (1)$$

При вычислении линейной регрессии «сила возбуждения → тревожная привязанность» мы получили модель с уровнем значимости $p = 0,008$. Модель объясняет 45 % общей дисперсии, что является очень хорошим результатом. Общее уравнение модели имеет вид:

$$y = 1,976 + 0,649x. \quad (2)$$

При вычислении линейной регрессии «тревожный тип привязанности → отношение со сверстниками» уровень значимости модели $p = 0,044$, что является приемлемым показателем. Данная модель объясняет 35 % общей дисперсии, что также считается приемлемым. Общее уравнение регрессии:

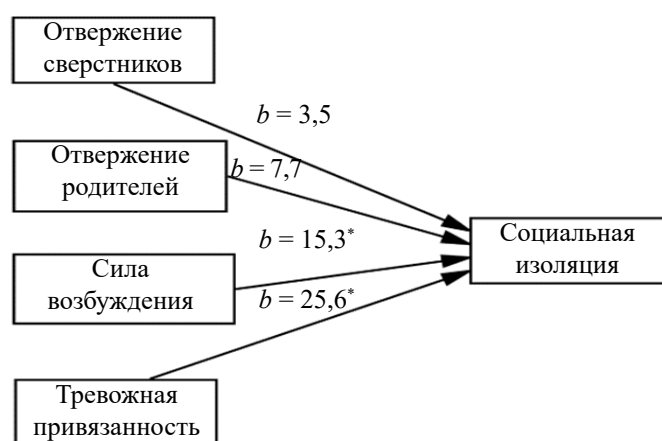
$$y = 2,109 + 0,525x. \quad (3)$$

При сравнении уровня значимости модели «избегающий тип привязанности → отношение со сверстниками» $p = 0,052$, что превышает нормативные показатели.

Для проверки четырехфакторной модели влияния отношений с родителями, силы возбуждения нервных процессов, тревожной привязанности и отношений со сверстниками на социальную изоляцию была вычислена множественная логистическая регрессия (рисунок 2), где социальная изоляция была преобразована в 0 – социальная активность и 1 – социальная изоляция.

Рисунок 2

Факторы, влияющие на формирование хикикомори

Показатель сходимости модели $\chi^2 = 42,331$ при $p \leq 0,05$. Дальнейшие тесты правдоподобия показали, что из четырех независимых переменных наименьшее влияние имеют отношения с родителями (вероятность изменений модели в случае исключения данного фактора $p = 0,275$) и сила возбуждения (вероятность изменений модели в случае исключения данного фактора $p = 0,421$). Тогда как вероятность изменения модели в случае исключения тревожной привязанности и отношения со сверстниками обладают показателями $p = 0,005$ и $p = 0,011$ соответственно. Результаты кажутся вполне правдоподобными, поскольку влияние таких переменных, как темперамент и отношения с родителями в детстве, с одной стороны, по времени отсрочены, а с другой – могут быть компенсированными к позднему подростковому возрасту. Пример, представленный в таблице 5, указывает на компенсацию насильственных и отвергающих отношений с родителями.

Таблица 5

Пример нарратива респондента из числа представителей хикикомори

Хикикомори (Ж, 24)
Папа запер меня и моего старшего брата инвалида на балконе зимой, в -20° . Родители часто говорили мне разбираться во всем самой. «Друзья были, я часто ездила в детские лагеря на лето. Играли в салочки, прятки, съедобное и не съедобное, ролевые игры с игрушками. Иногда вместо в роли мячика, который мы перекидывали друг другу, были ключи от квартиры. Так мне и разбили висок в кровь». Я всегда была упрямой, имела на все свою точку зрения. Проблемы с доверием родителям (ну конечно, мне же всегда нужно все делать самой, я же молодец, мне помощь не нужна). Агрессию заменяла упорной учебой в музыкальной школе. Папы не стало, когда мне было 16. Мама обзавелась новой семьей и уехала в другую страну. С 11 до 15 лет я жила с бабушкой и дедушкой. На данный момент отношения с матерью сносные. На мои попытки быть ближе к семье говорит, что я уже взрослая и мне пора самой обзавестись семьей. В последнее время я нахожусь в апатии. Нашла утешение в одиночных путешествиях. За последний год я успела полетать по России и начала снимать видео на ютуб (нахожу это очень терапевтичным занятием)!

В данном примере мы видим, что, несмотря на общее избегание социальных контактов, респондент ведет активный образ жизни и нашел собственные адаптивные стратегии самопомощи. Тем не менее, такие примеры указывают на необходимость значительного увеличения выборки, поскольку физиологические и средовые факторы только в совокупности формируют патологическую социальную изоляцию.

Обсуждение результатов

Изначально было сделано предположение о равенстве dead inside и хикикомори, однако гипотеза не подтвердилась. Напротив, с опорой на частотный анализ анкетных данных и нарративов было обнаружено, что эмоциональное отчуждение является защитной реакцией от высокой силы возбуждения нервных процессов в группе хикикомори, тогда как эмоциональное отчуждение dead inside – следствие недостаточного эмоционального возбуждения. Подавление чрезмерного возбуждения, обнаруженное нами и отмеченное в нарративах, можно объяснить функционированием NIS (normal identity state) и TIS (traumatic identity state) систем, описанных в теории структурной диссоциации личности (TSDP – Theory of structural dissociation of personality) (Nijenhuis & Van der Hart, 2011). Согласно теории, при повторении травмирующего события у людей с диссоциативным расстройством идентичности, которое было обнаружено при социальной изоляции в исследовании Ю. Хаттори (Hattori, 2006), могут активироваться NIS и TIS системы. NIS активирует двусторонние парагиппокампальные поясные извилины и задние мультимодальные ассоциативные зоны, что сочетается со снижением общей вегетативной активности. Напротив, TIS-система активирует двустороннее хвостатое ядро, левую миндалину и левую островковую долю, что связано с повышением вегетативной активности (Reinders et al. 2014). Другими словами, при травме, которая, согласно некоторым исследованиям, характерна для хикикомори, включается чередование подавления и активации переживаний, связанных с травмой.

В случае недостаточной эмоциональной чувствительности dead inside механизм выглядит проще: пониженная чувствительность может быть связана с низким функционированием гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы и вегетативной нервной системы (Caramaschi et al., 2008). Для физиологического объяснения сниженной эмоциональной чувствительности Ван Хонк предложил гипотезу тройного баланса (van Honk & Schutter, 2006), согласно которой гормональный дисбаланс вызывает дисбаланс на разных уровнях функционирования мозга. Это приводит к относительно низкому уровню кортизола по сравнению с высоким уровнем тестостерона, что влияет на систему наказание-вознаграждение и включение эмоций в социальное поведение. В качестве примеров в нарушении выражения высших эмоций и обострения агрессивного поведения можно привести кейсы, рассказанные игроками в Dota 2, в командах которых были люди, причисляющие себя к dead inside (таблица 6).

Таблица 6

Кейсы игроков Dota 2 в командах с участием dead inside

М, 18	М, 19
Я пошёл играть на среднюю линию. Одному товарищу не понравилось то, что не он пошёл играть на среднюю линию. Тогда он просто так приходил и пытался разрушить хорошую игру, попутно оскорбляя меня.	После победы в одном из матчей в Dota 2 мой друг начал в голосовом чате хвалить своих товарищей по команде. А один из них в ответ вдруг начал оскорблять моего друга.

В первом примере зависть к успешным действиям товарища по команде взяла верх над чувством групповой принадлежности и оценки коллективного успеха (М, 18). Во втором примере наблюдается похожая картина: кто-то был выбран группой как лидер, при этом вызвав агрессию человека, причисляющего себя к dead inside (М, 19).

Отказ от написания нарративов и самостоятельного структурирования информации о себе в пользу вопросов анкеты оказался не специфическим для какой-то из групп, а встречался как в группе хикикомори, так и в группе dead inside. Нарушение структуры нарративов обычно связывают с диффузией идентичности (McLean & Pratt, 2006). Если этот феномен понятен для хикикомори в виду предположенного диссоциативного расстройства идентичности, то причина отказов написать связанный текст представителями dead inside не так очевидна. Однако существуют исследования, подтверждающие связь эмоциональной холодности и диффузии идентичности: на выборке из 243 подростков, относящихся к условной норме, были обнаружены значимые корреляции между шкалами исследования пограничной личности (Borderline Personality Inventory) для диагностики диффузии идентичности и психопатическими чертами холодности и импульсивности, полученными с помощью шкалы самодиагностики психопатии Левинсона (Levenson Self-Report Psychopathy Scale) (Chabrol & Leichsenring, 2006). Однако данное объяснение также является гипотетическим.

Заключение. Данное пилотажное исследование было посвящено проверке биопсихосоциальной модели социальной изоляции: необходимость закрыться от социальной реальности является следствием особенностей нервной системы, взаимосвязанных с формированием отношений с родителями и типом привязанности, что, в свою очередь, связано с формированием отношений со сверстниками. Данная модель проверялась на выборках хикикомори и dead inside, так как предполагалось, что dead inside являются воплощением хикикомори в России. Однако при общей правомерности модели полученные данные наводят на мысль, что представители данных субкультур в какой-то степени противоположны друг другу: хикикомори указывают на частично подавляемое перевозбуждение нервной системы, что по своим механизмам похоже на диссоциативное расстройство идентичности, впервые описанное применительно к хикикомори Ю. Хаттори (Hattori, 2006); dead inside, напротив, демонстрируют гиповозбуждение нервных процессов и эмоциональную холодность, что является типовой характеристикой первичной психопатии. Однако, в виду малочисленности выборки, данные выводы нуждаются в перепроверке.

Малочисленность выборки также обуславливает необходимость перепроверки общей пятифакторной регрессионной модели. В данном пилотажном исследовании с помощью регрессионного анализа удалось доказать влияние отношений с родителями, особенностей нервной системы, ненадежной привязанности и отношений со сверстниками на социальную изоляцию. Однако этого недостаточно для проверки модели на рисунке 1, требующей SEM-анализа, возможного на выборке, включающей более 1000 человек. Более того, для чистоты исследования психопатологических проявлений следует развести хикикомори и dead inside как субкультуры и как виды нарушения социальной адаптации, в честь которых они названы. В нашем же исследовании, во-первых, феномены социальной дезадаптации (в частности, социальной изоляции) рассматривались через субкультуры, а во-вторых – выборка была собрана «вслепую», без возможности верификации личности и актуального состояния испытуемых. Это, безусловно, отразилось на качестве полученных данных.

Далее, поскольку исследование проводилось не в клиническом, а в социальном поле, имело бы смысл упомянуть социальные факторы, обуславливающие потребность молодежи объединяться в данные неформальные сообщества. И если за рубежом таким фактором для появления хикикомори считается вовлеченность обоих родителей в профессиональную сферу и пренебрежение родительскими ролями, то субкультура dead inside является специфичной для России, и социальные факторы, обусловившие ее появление, не изучены. Нахождение ответов на эти вопросы могло бы пролить свет на социальные факторы усугубления психопатических черт. Наконец, продолжение исследований психологических и социальных факторов социальной изоляции молодежи в России позволило бы присоединиться к международным исследованиям данного феномена с одной стороны, а с другой – выстроить индивидуальную и социальную работу по социализации молодежи.

Список литературы

- Казанцева, Т. В. (2011). *Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности* [докторская диссертация]. СПбГУ.
- Микаэлян, Л. Л. (2020). Роль надежной привязанности в терапии травмы. Эмоционально-фокусированный подход. *Психология и психотерапия семьи*, 1, 12–33. <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2020-10007>
- Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы* (1988). Издательство Московского университета.
- Саркисян, Е. Р., и Суворова, И. Ю. (2022). Анализ нарративной идентичности как способ исследования кризиса взрослости. *Российский психологический журнал*, 19(3), 6–20. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.1>
- Суворова, И. Ю., Глебов, В. В., и Ван, Х. (2021). Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов. *Социальная психология и общество*, 12(4), 93–113. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120406>
- Яценко, А. А. (2022). Субкультура Dead Inside: характеристика типичного представителя. В *Научный поиск курсантов: Сборник материалов Международной научной конференции* (С. 464–465). Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь.
- Bosquet, M., & Egeland, B. (2006). The development and maintenance of anxiety symptoms from infancy through adolescence in a longitudinal sample. *Development and psychopathology*, 18(2), 517–550. <https://doi.org/10.1017/S0954579406060275>

- Caramaschi, D., de Boer, S. F., & Koolhaas, J. M. (2008). Is hyper-aggressiveness associated with physiological hypoarousal? A comparative study on mouse lines selected for high and low aggressiveness. *Physiology & behavior*, 95(4), 591–598. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2008.08.019>
- Chabrol, H., & Leichsenring, F. (2006). Borderline personality organization and psychopathic traits in nonclinical adolescents: Relationships of identity diffusion, primitive defense mechanisms and reality testing with callousness and impulsivity traits. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 70(2), 160–170. <https://doi.org/10.1521/bumc.2006.70.2.160>
- Hattori, Y. (2006). Social withdrawal in Japanese youth: a case study of thirty-five hikikomori clients. *Journal of Trauma Practice*, 4(3–4), 181–201. https://doi.org/10.1300/J189v04n03_01
- Honk, J. V., & Schutter, D. J. (2006). From affective valence to motivational direction: the frontal asymmetry of emotion revised. *Psychological Science*, 17(11), 963–965. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01813.x>
- Kondo, N., Sakai, M., Kuroda, Y., Kiyota, Y., Kitabata, Y., & Kurosawa, M. (2013). General condition of hikikomori (prolonged social withdrawal) in Japan: psychiatric diagnosis and outcome in mental health welfare centres. *The International journal of social psychiatry*, 59(1), 79–86. <https://doi.org/10.1177/0020764011423611>
- Koyama, A., Miyake, Y., Kawakami, N., Tsuchiya, M., Tachimori, H., Takeshima, T. (2010). Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of “hikikomori” in a community population in Japan. *Psychiatry research*, 176(1), 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.10.019>
- Krieg, A., & Dickie, J. R. (2013). Attachment and hikikomori: A psychosocial developmental model. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(1), 61–72. <https://doi.org/10.1177/0020764011423182>
- Lee, Y. S., Lee, J. Y., Choi, T. Y., & Choi, J. T. (2013). Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 67(4), 193–202. <https://doi.org/10.1111/pcn.12043>
- McLean, K. C., & Pratt, M. W. (2006). Life’s little (and big) lessons: identity statuses and meaning-making in the turning point narratives of emerging adults. *Developmental psychology*, 42(4), 714. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.4.714>
- Nijenhuis, E. R. S., & Van der Hart, O. (2011). Dissociation in trauma: A new definition and comparison with previous formulations. *Journal of Trauma & Dissociation*, 12(4), 416–445. <https://doi.org/10.1080/15299732.2011.570592>
- Ovejero, S., Caro-Cañizares, I., de León-Martínez, V., & Baca-García, E. (2014). Prolonged social withdrawal disorder: a hikikomori case in Spain. *International Journal of Social Psychiatry*, 60(6), 562–565. <https://doi.org/10.1177/0020764013504560>
- Reinders, A. A. T. S., Willemsen, A. T. M., den Boer, J. A., Vos, H. P. J., Veltman, D. J., & Loewenstein, R. J. (2014). Opposite brain emotion-regulation patterns in identity states of dissociative identity disorder: a PET study and neurobiological model. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 223(3), 236–243. <https://doi.org/10.1016/j.pscychresns.2014.05.005>
- Saito, T. (2013). *Hikikomori: Adolescence without End*. University of Minnesota Press.
- Teo, A. R. (2010). A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori. *International journal of social psychiatry*, 56(2), 178–185.
- Teo, A. R. (2013). Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(4), 339–341.

References

- Bosquet, M., & Egeland, B. (2006). The development and maintenance of anxiety symptoms from infancy through adolescence in a longitudinal sample. *Development and Psychopathology*, 18(2), 517–550. <https://doi.org/10.1017/S0954579406060275>
- Caramaschi, D., de Boer, S. F., & Koolhaas, J. M. (2008). Is hyper-aggressiveness associated with physiological hypoarousal? A comparative study on mouse lines selected for high and low aggressiveness. *Physiology & behavior*, 95(4), 591–598. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2008.08.019>
- Chabrol, H., & Leichsenring, F. (2006). Borderline personality organization and psychopathic traits in nonclinical adolescents: Relationships of identity diffusion, primitive defense mechanisms and reality testing with callousness and impulsivity traits. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 70(2), 160–170. <https://doi.org/10.1521/bumc.2006.70.2.160>
- Hattori, Y. (2006). Social withdrawal in Japanese youth: a case study of thirty-five hikikomori clients. *Journal of Trauma Practice*, 4(3–4), 181–201. https://doi.org/10.1300/J189v04n03_01
- Honk, J. V., & Schutter, D. J. (2006). From affective valence to motivational direction: the frontal asymmetry of emotion revision. *Psychological Science*, 17(11), 963–965. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01813.x>
- Kondo, N., Sakai, M., Kuroda, Y., Kiyota, Y., Kitabata, Y., & Kurosawa, M. (2013). General condition of hikikomori (prolonged social withdrawal) in Japan: psychiatric diagnosis and outcome in mental health welfare centers. *The International journal of social psychiatry*, 59(1), 79–86. <https://doi.org/10.1177/0020764011423611>
- Kazantseva, T. V. (2011). *Socio-psychological determinants of interpersonal attachment* [Doctoral dissertation]. St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Koyama, A., Miyake, Y., Kawakami, N., Tsuchiya, M., Tachimori, H., Takeshima, T. (2010). Lifetime prevalence, psychiatric comorbidity and demographic correlates of “hikikomori” in a community population in Japan. *Psychiatry research*, 176(1), 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.10.019>
- Krieg, A., & Dickie, J. R. (2013). Attachment and hikikomori: A psychosocial developmental model. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(1), 61–72. <https://doi.org/10.1177/0020764011423182>

- Lee, Y. S., Lee, J. Y., Choi, T. Y., & Choi, J. T. (2013). Home visitation program for detecting, evaluating, and treating socially withdrawn youth in Korea. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 67(4), 193–202. <https://doi.org/10.1111/pcn.12043>
- Mikaelian, L. L. (2020). The role of secure attachment in trauma therapy. An emotionally focused approach. *Family Psychology and Psychotherapy*, 1, 12–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2020-10007>
- McLean, K. C., & Pratt, M. W. (2006). Life's little (and big) lessons: identity statuses and meaning-making in the turning point narratives of emerging adults. *Developmental psychology*, 42(4), 714. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.4.714>
- Nijenhuis, E. R. S., & Van der Hart, O. (2011). Dissociation in trauma: A new definition and comparison with previous formulations. *Journal of Trauma & Dissociation*, 12(4), 416–445. <https://doi.org/10.1080/15299732.2011.570592>
- Ovejero, S., Caro-Cañizares, I., de León-Martínez, V., & Baca-García, E. (2014). Prolonged social withdrawal disorder: a hikikomori case in Spain. *International Journal of Social Psychiatry*, 60(6), 562–565. <https://doi.org/10.1177/0020764013504560>
- Reinders, A. A. T. S., Willemsen, A. T. M., den Boer, J. A., Vos, H. P. J., Veltman, D. J., & Loewenstein, R. J. (2014). Opposite brain emotion-regulation patterns in identity states of dissociative identity disorder: a PET study and neurobiological model. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 223(3), 236–243. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2014.05.005>
- Saito, T. (2013). *Hikikomori: Adolescence without End*. University of Minnesota Press.
- Sarkisyan, E. R., & Suvorova, I. Y. (2022). Narrative identity analysis as a way to investigate the crisis of adulthood. *Russian Psychological Journal*, 19(3), 6–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.1>
- Suvorova, I. Y., Glebov, V. V., & Wang, X. (2021). A study of the peculiarities of narrative identity of Russian and Chinese students. *Social Psychology and Society*, 12(4), 93–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120406>
- Teo, A. R. (2010). A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori. *International journal of social psychiatry*, 56(2), 178–185.
- Teo, A. R. (2013). Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(4), 339–341.
- Workshop on psychodiagnosis. Psychodiagnostic materials* (1988). Moscow University Publishing House. (In Russ.)
- Yashchenko, A. A. (2022). Dead Inside subculture: characterization of a typical representative. In *Scientific search of cadets: Collection of materials of the International scientific conference* (P. 464–465). Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. (In Russ.)

Об авторах:

Сергей Ионович Пынзару, студент факультета психологии кафедры социальной психологии, Московский психолого-социальный университет (Российская Федерация, 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9А), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), pynzaru2004@yandex.ru

Анастасия Владимировна Громова, аспирант, Московский психолого-социальный университет (Российская Федерация, 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9А), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), nasooo1993@mail.ru

Ирина Юрьевна Суворова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Московский психолого-социальный университет (Российская Федерация, 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9А), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), i.suvorova89@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

About the Authors:

Sergey Ionovich Pynzaru, Student, Faculty of Psychology, Social Psychology Department, Moscow Psychological and Social University (4, Roshchinsky proezd, 9A, Moscow, 115191, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), pynzaru2004@yandex.ru

Anastasia Vladimirovna Gromova, Postgraduate student, Moscow Psychological and Social University (4, Roshchinsky proezd, 9A, Moscow, 115191, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), nasooo1993@mail.ru

Irina Yurievna Suvorova, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Social Psychology Department, Moscow Psychological and Social University (4, Roshchinsky proezd, 9A, Moscow, 115191, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), i.suvorova89@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.08.2024

Принята к публикации / Accepted 21.08.2024

Приложение 1

Таблица 1

Сетка кодов для анализа нарративной идентичности хикки и dead inside

Категория		Код
Отношение с родителями	нет отношений с родителями	1 – верно; 0 – не верно
	заботливые отношения с родителями	1 – верно; 0 – не верно
	отношения с мамой хорошие, с папой – плохие	1 – верно; 0 – не верно
	насилие со стороны родителей	1 – верно; 0 – не верно
Отношение со сверстниками	не было друзей	1 – верно; 0 – не верно
	много друзей	1 – верно; 0 – не верно
	насилие со стороны сверстников (буллинг)	1 – верно; 0 – не верно
Развитость эмоциональной сферы	эмоциональный фон – безразличие	1 – верно; 0 – не верно
	эмоциональный фон – эмоциональность	1 – верно; 0 – не верно
	эмоциональный фон – несдержанность	1 – верно; 0 – не верно
	эмоциональный фон – злость	1 – верно; 0 – не верно
Текущее состояние	текущее состояние – апатия, потерянности, одиночество	1 – верно; 0 – не верно
	текущее состояние – защищенность	1 – верно; 0 – не верно
	текущее состояние – принятие и любовь	1 – верно; 0 – не верно
	текущее состояние – дистанцированность, отстраненность	1 – верно; 0 – не верно

Приложение 2

Рисунок 1

Вычисление каппы Козна

		Оценщик 2		
		Да	Нет	
Оценщик 1	Да	134	15	149
	Нет	8	353	361
		142	368	510

$P_o = 0,95$
 $P_c = 0,59$
 $K = 0,87$